

Эделин была миниатюрной женщиной с собранными в пучок волосами и в строгой, опрятной одежде. Она смотрела на Юлиана с серьёзным, но полным материнской любви выражением лица. Её первой фразой при встрече было:

— Юлиан, ты обрёл своё счастье. Я так за тебя рада.

Юлиану потребовалось несколько секунд, чтобы осознать смысл сказанного. Он не смог сдержать смехок и рефлекторно покосился на Z. Тот таращился на них, как разъярённый леопард, которому только что бросили вызов. На мгновение Юлиану показалось, что Z сейчас разразится бранью, но тот лишь сверлил его взглядом, беззвучно шевеля губами. «По крайней мере, он не стал материться вслух, и на том спасибо».

Сдерживая смех, Юлиан поспешил объяснить:

— Мы не в таких отношениях.

— Ещё не поженились? — Эделин с трудом задрала голову, переводя озадаченный взгляд со своего любимого ученика на его спутника.

— Мы не в тех отношениях, чтобы обсуждать брак. Он космический ковбой, который привёз меня сюда, — Юлиан бросил взгляд на Z и в одностороннем порядке вынес вердикт: — Мы друзья. — Бурчание Z: «Ошибочное определение» — он благополучно проигнорировал.

Z не проникся особой симпатией к Эделин. И дело было вовсе не в «обрёл своё счастье» (с чего она вообще это взяла?). Проще говоря, он терпеть не мог влажность. Столкнувшись с трогательной сценой воссоединения учителя и ученика, достойной слезливой мелодрамы, он выдержал от силы минут пять. Поздоровавшись, он поспешил ретироваться из гостиной Эделин, насквозь пропитанной сентиментальностью, оставив Юлиана и его учительницу предаваться воспоминаниям о юности.

Z бывал на Марсе не раз, он был странным местом: не дом, но и не далёкая чужбина, а просто перевалочный пункт на бескрайних просторах космоса, мимо которого ты случайно пролетаешь. Но в нём была какая-то особая, умиротворяющая атмосфера, уникальная для космоса. Ты знаешь, что всё ещё живёшь под искусственным куполом, что все растения, дающие пищу, растут в разрежённой марсианской атмосфере, и что в любой момент вас может уничтожить метеорит. Если задуматься, Марс, пожалуй, даже опаснее космических станций и гигантских колонизационных кораблей. Но почему-то, стоит лишь ступить на твердь планеты, как инстинкты берут верх, заставляя человека расслабиться и почувствовать себя в безопасности. Именно поэтому Z никогда не задерживался на Марсе.

В этот раз всё должно было быть так же. Z ненавидел влажность и уют. Он планировал улететь сразу же, как только пополнит припасы. Единственной переменной был Юлиан. Он заявил, что берёт на себя все расходы по пополнению припасов, но при условии, что «Альберт» задержится на Марсе на два дня, чтобы у него было время пообщаться с учительницей. Юлиан сказал, что хотел бы, чтобы Z тоже присоединился. Он это серьёзно?

Z закупил провизию, семена, пополнил запасы рабочего тела для двигателей и жидкостей для системы жизнеобеспечения. Он подозревал, что Юлиан найдёт способ протащить на борт кое-что не по его вкусу — алкоголь, кофе и тому подобное. Но ради денег он был готов закрыть на это глаза. «Альберту» также требовались некоторые запчасти для токамака, а это уже не был стандартный товар. Он связался с несколькими дилерами, и те завалили его каталогами с новейшими моделями комплектующих. Z лишь мельком взглянул на них, и у него тут же разболелась голова. В конце концов, задержаться на день было просьбой Юлиана. Z без зазрения совести устроил себе выходной и отложил каталоги в сторону.

Период вращения Марса вокруг своей оси почти такой же, как у Земли. День есть день, и промотать его на ускоренной перемотке не выйдет. От нечего делать Z решил отправиться на метеорологическую вышку под куполом. В будний день туристов было мало. Он в одиночестве перелез через ограждение и улёгся на внешний карниз башни. Под искусственным куполом не бывает ни облаков, ни дождей. Естественный солнечный свет, пробиваясь сквозь пыль и разрежённую атмосферу, падал на землю, отливая тёплыми оттенками.

В стоимость билета на метеовышку входила аренда устройства дополненной реальности. Z подключил свой терминал к марсианскому облачному вычислительному кластеру и спроецировал рассчитанную звёздную карту. Согласно теореме о неподвижной точке, на этой карте всегда есть точка, совпадающая с тем местом, где находится Z. Он представлял, как стоит в этой точке пересечения виртуальной карты и реальности, и смотрит в небо сквозь траектории, прочерченные в Солнечной системе.

Когда Юлиан позвонил Z, было около шести вечера. К тому времени Z уже уснул, прислонившись к карнизу метеовышки. Он рассеянно отвечал на звонок, провожая взглядом голубое солнце, садящееся за горизонт.

Вернувшись в гостиную Эделин, Z с облегчением обнаружил, что сентиментальная влажность уже испарилась. Юлиан и Эделин сидели рядышком, листая цифровой фотоальбом, указывая на фотографии и то и дело смеясь. Пользуясь своим ростом, Z заглянул в альбом: некоторые фотографии он уже видел, другие — нет. На запечатлённых видеофрагментах медовые карие глаза, следуя за движением пальца, оживали и улыбались.

— Мой школьный альбом, — Юлиан поднял на него глаза и озорно подмигнул. — Думаю, ты его уже изучил.

— Ещё бы, — буркнул Z.

Взгляд Эделин незаметно скользнул между ними. Юлиан, будучи начеку, тут же это заметил. Он беспомощно поднял руки и принялся объяснять:

— Это не то, что вы подумали, правда не то.

— А я ничего и не говорила, — заявила Эделин. Она повернулась к Z и предложила: — Присаживайтесь. Чего бы вы хотели выпить? Чёрный чай, зелёный чай или кофе? — Она

бросила взгляд на куртку Z. Возможно, кобура, скрытая под полами куртки, показалась ей похожей на фляжку, потому что она торжественно объявила: — До ужина никакого алкоголя.

Юлиан рассмеялся:

— Он не пьёт. Эделин, он не такой, как я, об этом можете не беспокоиться.

— Лучше бы мне и о тебе не беспокоиться. — Эделин одарила его слегка предостерегающим взглядом.

Юлиан с улыбкой кивнул. Z изогнул бровь, но не стал ничего опровергать. Он осторожно присел на дальний край дивана, выпрямив спину. Вскоре Эделин объявила, что идёт готовить ужин, и отказалась от помощи Юлиана. Проводив её взглядом, Юлиан повернулся, налил Z стакан воды со льдом и тихо поблагодарил.

— Это не ради тебя, — сухо ответил Z.

Юлиан улыбнулся ему, прищурив глаза:

— Я знаю, знаю.

Z подумал, что Юлиан ни черта не знает.

Ужин оказался превосходным. У Эделин жил золотистый ретривер, который всё время спал в своей лежанке, но, почуяв запах мяса, тут же проснулся и весь ужин, тяжело дыша, не сводил глаз с тарелки Z.

— Тиа, нельзя, — Эделин нахмурилась, глядя на собаку. — Тебе это нельзя.

Тиа с тихим скулежом вернулся к своей миске и, поедая свой корм, бросал полные тоски и вожделения взгляды на тарелку Z. Тот лишь одарил его ответным взглядом, и Тиа мгновенно это уловил. Его абсолютно чёрные, влажные глаза невинно и обиженно смотрели на Z. Но тот остался непреклонен и игнорировал его. Как уже говорилось, он терпеть не мог всё мокрое и влажное.

— Как там Тиа? — спросил Юлиан.

— Он в порядке, — ответила Эделин. — Вчера мы даже немного поболтали, и он жаловался, что каждый день приходится есть питательные смеси.

Z в изумлении опустил голову и взглянул на золотистого ретривера.

— Нет, не этот Тиа, — рассмеялась Эделин, и морщинки в уголках её глаз собрались в тонкие складочки. — Мой сын, Тиа. Раньше мы жили на Земле, тогда я преподавала в школе Юлиана, а Тиа работал хирургом. А потом он тяжело заболел, и мы перебрались на Марс.

«Назвать собаку в честь сына, — подумал Z, — весьма своеобразная затея». Но, если вдуматься, разве человечество не назвало именами Альберта Эйнштейна и Макса Планка — двух великих и значимых людей — два совершенно безнадежных космических корабля?

— Тиа сейчас работает ракетчиком, — пояснил Юлиан для Z. — В марсианской системе противометеоритной обороны.

Z кивнул. Марс находился под защитой гравитационного колодца Юпитера, да и собственная масса планеты была невелика, поэтому частота падения метеоритов здесь, по сути, была ниже, чем на Земле. Однако атмосферное давление на Марсе даже после терраформирования оставалось недостаточно высоким: даже мелкие метеориты не могли полностью сгореть в атмосфере и всё ещё представляли угрозу для поверхности. Это означало, что для освоения Марса необходимо было развернуть систему активного перехвата метеоритов. И ракетчики выполняли в этой системе роль своеобразных операторов-администраторов.

Физический труд, например, работа механика, требовал непосредственного взаимодействия руками, а значит, и более высоких стандартов для голографических капсул, до которых нынешние марсианские технологии ещё не дотягивали. Зато такая уникальная для Марса, сугубо интеллектуальная профессия, как ракетчик, позволяла даже людям, утратившим способность двигаться, самостоятельно выполнять свои обязанности с помощью обычных голографических технологий.

— Мне жаль, что в этот раз я не смогу его навестить, — с извинением в голосе произнёс Юлиан, обращаясь к Эделин.

— Ничего страшного, — Эделин с улыбкой покачала головой. — Содружество выделило команде ракетчиков несколько квот на тестирование новых голографических капсул. Ради этого Тиа уже переехал в санаторий под центральным куполом. Так что, даже если бы ты задержался подольше, всё равно не смог бы с ним увидеться.

— Желаю ему удачи, — искренне сказал Юлиан. Затем он, словно что-то вспомнив, бросил на Z едва уловимый взгляд, явно опасаясь, что тот отпустит какой-нибудь неуместный комментарий после слов Эделин о голографических технологиях. Но Z и не собирался.

— Я слышал, на Марсе сейчас модно привязывать что-нибудь к ракетам, — произнёс Z.

— Да, вещи с символическим значением: флаги Содружества, портреты лидеров. А в последнее время они ещё и обсуждают космические похороны. — Эделин вздохнула и обеспокоенно нахмурилась. — Это совсем не то, что было в моё время, когда шаттлы поднимали прах высоко в небо и развеивали его, позволяя свободно сгореть. Нет. Они собираются помещать прах умерших в ракеты, которые запускают на перехват метеоритов. Боюсь, мне такое не по душе. Я

просила Тиа бросить эти глупости, но ему всё равно. Ему и на саму работу ракетчика наплевать.

Юлиан попытался её утешить:

— Когда Тиа получит свою новую голографическую капсулу, он сможет вернуться к врачебной практике.

— Если... — Эделин запнулась, но затем вернулась к прежней теме: — Не будем об этом. Я считаю, что мы должны проявлять уважение к усопшим.

— И уважать выбор самих усопших тоже, — мягко возразил Юлиан.

— Ты всегда найдёшь, что сказать, — в тоне Эделин сквозило наполовину недовольство, наполовину нежность. — Что в инженерии, которую я преподавала, что в коммерции, которую ты терпеть не мог, ты во всём добивался блестящих результатов. Как бы мне хотелось, чтобы Тиа был похож на тебя, но он спит и видит себя только врачом. По мне так, лучше бы вы поменялись местами. А то сейчас...

Она тихонько покачала головой. Расставание — самая тяжёлая часть любой встречи после долгой разлуки. Z искренне надеялся, что эти учительница и ученик не расплачутся, по крайней мере, не в его присутствии. Иначе он начнёт нервничать. Он краем глаза наблюдал за Юлианом, но не успел бросить и пары взглядов, как был рассекречен его наблюдательной наставницей. Z с невозмутимым видом отвёл взгляд и со всей сосредоточенностью принялся дразнить крутившегося под ногами Тиа.

Юлиан же абсолютно ничего не замечал. Опустив глаза, словно им не хватило целого дня, он продолжал в сгущающихся сумерках вести с Эделин неспешную беседу о том, что изменилось со времён средней школы, и о планах на будущее. Он говорил весьма завуалированно, делаясь скорее чувствами, нежели реальными событиями, и ни словом не обмолвился об истории с Его Императорским Величеством. Он рассказывал о том, что было после, но даже Z уловил в его голосе глубокую тоску по школьным годам.

Эделин, казалось, давно привыкла к такой манере Юлиана изливать душу. Она не задавала вопросов, лишь изредка вставляла слова утешения, а большую часть времени просто слушала. Ростом Эделин доставала Юлиану лишь до груди. Она похлопала его по предплечью, и Юлиан заботливо опустил на одно колено, чтобы обнять её.

Z ждал в стороне, скрестив руки на груди. Тиа сидел у его ног, то и дело задевая пушистым хвостом его штанины. На краю неба прочертил свой тонкий след падающий метеорит, но, не пролетев и половины пути, был сбит ракетой, распустившись в вышине огненной вспышкой.

<http://bllate.org/book/17728/1710782>